

РАССКАЗЫ

Перевод с французского ЕЛЕНА БАБАЙЦЕВОЙ

Достоверный исторический момент

Вы слишком молоды, чтобы помнить об этом, но в конце XV века довольно скверный малый по имени Ричард III, правивший Англией и по уши погрузивший ее во всевозможные ужасы, встретился в Босворте с вражеской армией, большую часть которой — о Франция, узнаю тебя — составляли наши соотечественники. Предвидеть исход битвы было, как вы сами понимаете, нетрудно, и перед коронованным проходившем уже маячил призрак смерти, который положил бы конец всем его злодеяниям.

Говорят, пришла беда — открывай ворота. Поняв, что сражение проиграно, Ричард III, как и положено достойному полководцу, думал лишь об одном — дать дёру. К несчастью, его боевой конь пал, придя таким образом в негодность. Вот в таких ситуациях минуты становятся вечностью.

Дрожа от страха, мечтая лишь о том, как бы поскорее покинуть Босворт с его нездоровым климатом, Ричард III хриплым воплем выразил живейшее желание заполучить, пусть даже на самых жестких условиях, хоть какую-нибудь лошаденку.

Слова, которые он произнес в эту минуту, дошли до нас, но в разноречивых вариантах.

Вильям Шекспир, мясник из Стратфорда-он-Эйвона, занявшийся впоследствии, подобно достойному Альфонсу Лемопьеру, сочинительством и написавший неплохую мелодраму о Ричарде III, вложил в его уста следующие слова: «A horse! A horse! My Kingdom for a horse!» Что по-нашему: «Коня! Коня! Королевство за коня!»

Часть, и притом значительная, английских историков так изменяет королевский текст: «A horse! A horse! My crown for a horse!» Это значит: «Коня! Коня! Корону за коня!»

(Так как по-английски «crown» это «корона», штука, которой и в наше время — а еще говорим о цивилизации — узкий круг лиц без колебаний готов украсить свою голову, причем никто из окружения этих полупомешанных даже и не подумает улыбнуться.)

Какое слово произнес Ричард III в столь критический для него момент: «Королевство» или «Корона»? В этом вся соль.

Документ, который мы заполучили, проливает свет на эту проблему. Ричард произнес слово «корона», но не в том значении, в котором истолковывает его часть, и притом значительная, английских историков.

Документ, о котором я говорил выше, не что иное, как письмо уэльского солдата домой, написанное вечером после Босвортской битвы.

Вот отрывок:

«...Даже к самым серьезным событиям, дорогие родители, смешное предъявляет свои права. Преследуемые ожесточенным врагом, мы в полном смятении спасались бегством. А впереди всех — король Ричард. И вдруг, вот потеха, видим, как его Величество взлетает в воздух всеми четырьмя копытами вверх. Но государь сумел вскоре подняться, чего не скажешь о его скакуне. И когда мы поравнялись с ним, венценосный беглец без зазрения совести посулил нам корону¹ за одну из наших лошадей. Нас это возмутило, и чтобы удостовериться, что не ослышался, я спросил у короля: «Сколько, вы сказали?» И он ответил: «Одну, одну корону за коня!»

От такой скаредности короля нам стало противно, и мы бросили проклятого монарха на произвол судьбы!»

Вот вам еще один достоверный исторический момент.

¹ Старинная английская монета, соответствующая примерно шести франкам (прим. автора).

Чудо-камера

Страховая компания на случай тюремного заключения

Мэтр Казимир, известный юрисконсульт, направил мне следующее сообщение, в самых трогательных выражениях умоляя предать его гласности в «Сурир».

Итак, дорогой Мэтр, вам слово:

ЧУДО-КАМЕРА

Прошло два года со дня основания в Париже «Страховой компании на случай ограбления», растущее благосостояние которой как нельзя лучше свидетельствует о том, что воровство прочно вошло в наши обычаи и стало даже одним из распространенных видов спорта.

Идея, вдохновляющая это учреждение, великолепна, и мы неустанно радовались бы ее воплощению в жизнь, если бы нам не пришлось сожалеть о том, что Компанию, показавшую себя столь заботливой по отношению к интересам ограбленного, несколько не беспокоят интересы самого грабителя. Но ведь если и есть ограбленные, то лишь потому, что существуют грабители, и непонятно, почему первые пользуются покровительством, тогда как вторым в нем отказано.

На фоне всеобщей свободы и равенства, кои знаменуют нашу эпоху, такое отношение, умышленное или нет, являет собою вопиющую несправедливость. Добавлю, что это в высшей степени безнравственно, ведь кого, как не грабителя, и чествовать за его смелые и не всегда безопасные поступки?

Один из моих друзей, следовательно, почерпнувший из досье преступников чрезвычайно глубокие знания по части грабежа — что сделало его человеком вдвойне опасным, — поведал мне как-то о подвигах одного из своих лучших клиентов. Великолепно — доблестно, чудеса храбрости, перед которыми меркнут высшие достижения рыцарей былых времен. А когда подумаешь, сколько терпения, кропотливого изучения предмета надо, чтобы постичь науку грабежа в обществе, пожалуй, враждебном к такого рода упражнениям, просто невозможно не выразить своего восхищения перед этими скромными тружениками фомки и отмычки.

А само ремесло — неблагоприятнее не придумаешь. В то время, как ограбляемый мирно дремлет, погруженный в сладостное безделье, уповая на страховую полис и на полицию, несколько не облегчая вору его труд, а даже пытаясь помешать ему, у того нет ни минуты покоя. День и ночь бродит он по нашим деревням и городским улицам. Порой он вынужден пристукнуть упрямых буржуа, стремящихся навязать ему непредвиденные трудности. Подхлестываемые жестокосердными судьями, жандармы затевают неистовую атаку на вора. Теперь он добыча для закона, объект беспощадной травли. На карту поставлена его свобода и даже жизнь.

И что, вы думаете, в итоге, после стольких превратностей, автору крепко задуманного и элегантно воспроизведенного грабежа воздается, наконец, по заслугам? Не тут-то было: все симпатии окажутся на стороне оборванного, «жертвы», так сказать. Что же до вора, то о нем промолчат, а если кто-то и вспомнит про него, то лишь затем, чтобы высказать в его адрес вещи отнюдь не приятные. Взять хотя бы речи прокуроров на заседаниях.

Перед лицом подобной несправедливости я не без страха задумываюсь над тем, что будет, если, разочаровавшись в ремесле, которое не может прокормить, взломщики, карманники и прочие мошенники возьмут и забастуют? Забастовка воров, да ведь это конец всему! Во-первых, «собственность — это кража». Значит, не будет краж, не будет и собственности, далее: не будет собственности — не будет и ее блюстителей. Не говоря уж о судах, распущенных на вынужденные каникулы, судья ворвет свою тогу.

От последней перилетии бросает в дрожь.

Угроза вполне реальна. Надо устранить ее. Позаботиться о судьбах тех храбрецов, без которых институт правосудия немислим. Мы предлагаем учредить «Страховую компанию на случай тюремного заключения», которая будет призвана возмещать убытки тем несчастным, кого бессердечное общество посылает страдать на сырую солому тюрьмы.

«Чудо-камера» по моему проекту станет торговой фирмой новой Компании; сосредоточив основную работу в Париже, она учредит свои агентства в провинции, особенно в тех районах, где опасность попасть за решетку особенно велика.

Компания представляет страховку от любого тюремного заключения, в том числе и по политическим мотивам. Однако в последнем случае платежи будут повышены, так как подобные бедствия слишком участились за последнее время. Кроме того, «Чудо-камера» не дает гарантий на случай ответа перед Верховным Судом.

При небольшой надбавке к платежам можно застраховаться от таких опасностей, как облава, избиение и другие несчастные случаи, которыми грозит улица. За обыски

и дознания следствия будут установлены специальные расценки, при составлении которых учитываются умственные способности судьи и политическая принадлежность застрахованного.

Мы советуем обзавестись страховым полисом на случай тюремного заключения не только профессиональным мошенникам, но и всем прочим гражданам, коим может быть предъявлен ордер на арест. В этом смысле наша страховка так же незаменима для депутата, сенатора, министра, как и для заурядного взломщика и мазурика. К тому же, если принять во внимание все учащающиеся случаи юридических ошибок, страховой полис нашей Компании станет для невинно осужденного единственной возможностью избежать полного разорения.

Вот что за учреждение хотелось бы основать во Франции; будучи уверен в мощной моральной и финансовой поддержке наших читателей, я обращаю на него их внимание. Речь идет о гуманности и патриотизме. Да будет услышан наш призыв!

Мэтр Казимир.

Маловероятная история

Я только что сообщил господину директору «Журналь дю деба» свой — достаточно мотивированный — отказ покупать его газету.

Причина моего недовольства в опубликованной этим солидным изданием из ряда вон выходящей истории, изложенной так холодно, как если бы речь в ней шла о самых обычных вещах, истории, которая была бы хороша под игривым пером господина Жоржа Ориоля.

Между тем, раз уж мы с вами получаем «Деба», то для серьезного чтения. Не так ли, друзья?

Когда серьезные люди принимаются за шутки, они доводят их до конца.

Судите сами.

(Я переписал почти дословно.)

«Известный натуралист, ревностный дарвинист, господин Генрих Дал из Талезунца (Норвегия) задумал проследить эволюцию живого существа во всех ее стадиях.

Для этого он обзавелся сельдью, выловленной в близлежащем фиорде. Ученый поместил ее в аквариум с морской водой, уровень которой он ежедневно уменьшал.

Озадаченная было селедка рассудила по-философски и, за неимением возможности резвиться в воде, постепенно перешла на образ жизни амфибии: то в воде, то на воздухе.

Продолжая свой эксперимент, господин Дал вылил всю воду из аквариума.

Селедке стало не по себе. Но смирившись со своей участью, она вскоре привыкла к сухому режиму и задышала как все наземные существа, что и подняло ее на ступень эволюционной лестницы.

В награду Дал вытащил свою подопечную из ставшего ненужным сосуда и научил вести себя сообразно с ее новым саном.

Умная, нежная, проворная, она делала все, что от нее требовали.

Она привыкла к пище, не принятой среди рыб, и ела из рук гостей. Влюбленная в своего господина, она выказывала истинную печаль, когда тот покидал ее, чтобы предаться своим занятиям.

И вот, решив, что настало время перейти ко второму этапу, господин Дал научил послушное животное ползать на манер змеи.

После нескольких месяцев тренировки достойная селедка уже бодро передвигалась, и господин натуралист водил ее гулять, как водят пуделя.

Не будем многословными и перейдем к драме.

Однажды господин Генрих Дал и его верная селедка прогуливались в районе порта и проходили по мосту из неплотно сбитых досок.

Увы, бедная зверушка, проскользнув в щель, упала в воду.

...Далее «Деба» холодно отмечает:

«Есть все основания предполагать, что успевшая отвыкнуть от воды селедка утонула.»

